

Владимир Алексеевич Гиляровский

Старогладовцы

Друзья и встречи

Владимир Гиляровский
Старогладовцы

«Public Domain»

1926

Гиляровский В. А.

Старогладовцы / В. А. Гиляровский — «Public Domain»,
1926 — (Друзья и встречи)

«Сырым осенним утром на усталой кляче ночного извозчика-старика, в ободранной пролетке я тащился по безлюдным переулкам между Пречистенкой и Арбатом. Был девятый час утра. Кухарки с корзинками, полными провизии, семенили со Смоленского рынка; двое пригостишек неторопливо путались в подолах своих серых шинелей, сшитых с расчетом на рост...»

Владимир Гиляровский

Старогладовцы

Сырым осенним утром на усталой кляче ночного извозчика-старика, в ободранной пролетке я тащился по безлюдным переулкам между Пречистенкой и Арбатом. Был девятый час утра. Кухарки с корзинками, полными провизии, семенили со Смоленского рынка; двое пригостишек неторопливо путались в подолах своих серых шинелей, сшитых с расчетом на рост... На перекрестке, против овощной лавки, стояла лошадь и телега на трех колесах; четвертое подкатывал к ней старичок-огородник в белом фартуке; другой, плотный, бородатый мужчина в поношенном пальто, высоких сапогах и круглой драповой шапке, поднимал угол телеги. Дело, однако, не клеилось. Толстая лавочница, стоявшая у двери в лавку, равнодушно лущила подсолнухи, выплевывая скорлупу на узенький тротуар. На земле валялся картофель, выпавший из телеги, – а ей и горя мало! Лушит да поплеывает. Я спрыгнул с пролетки, подбежал, подхватил ось, а старателя в драповой шапке слегка отодвинул в сторону:

– Пусти, старик, я помоложе!

Я поднял угол телеги, огородник ловко закатил колесо на ось и воткнул чеку. Я прыгнул обратно в пролетку. Поехали.

Мой извозчик, погоняя клячу, смеялся беззубым ртом и шамкал, указывая кнутом назад:

– Граф-то как старается!

– Какой граф?

– Да вон, у телеги.

Я оглянулся.

Оба старика подбирали с мостовой картофель. Лавочница по-прежнему лущила семечки.

– И чего только ему надо? К нам в Дорогомилово приходил надясь работать. Наш хозяин, Козел, два пятарика дров купил, свалил их на улицу и нанял нас перетаскивать во двор и уложить в поленницы, а граф – тут как тут: давайте, говорит, ребята, я помогу... Мы дрова таскаем, а он укладывает. Поработал и денег не взял. Потом наши ребята его видели на Красном лугу: с золоторотцами из «Аржановки» тоже дрова укладывал...

Старик болтал всю дорогу, пока я не отпустил его на Арбате. Но и получив деньги, он все продолжал говорить:

– Свой дом в Хамовническом переулке, имение богатое... Настоящий граф – Толстов по фамилии...

Я тогда не обратил внимания на слова старика и тотчас забыл о них.

Прошло два года. Я работал в «Русских ведомостях». Они еще помещались в наемной квартире, в доме Мецгера, как раз на переломе несуразного Юшкова переулка между Мясницкой и Сретенкой. Редакция помещалась в доме, выходящем на улицу, а типография занимала большой корпус в глубине двора. Вот туда-то я и шел, чтобы сдать в набор заметки. Происходило это утром, когда в редакции обычно никого не бывало.

Впереди меня к редакционному подъезду подошел плотный человек в поношенном драповом пальто, высоких сапогах и драповой шапке, как-то знакомо нахлобученной. И вся фигура сзади показалась мне знакомой: видал где-то! Человек входил в подъезд, когда я шел мимо. Затворяя дверь, он на миг повернулся, и я увидел бородатое лицо. Где я его видел? Пробыв минут пять в типографии, я забежал в редакцию посмотреть газеты. Швейцар в очках читал «Московский листок».

– Никого еще нет?

– Никого. Вот сейчас только Лев Николаевич заходил спрашивал Василия Михайлыча (Соболевского).

– Кто?

– Граф Толстой... Да как вы его не встретили? Сей минут вышел.
А! Так вот кому я когда-то помог колесо надеть!

Я совершенно забыл об этой встрече, да и думать никак не мог, что знаменитый писатель ходил в Дорогомилово дрова в пятерики укладывать и одевался так бедно. Я полагал, что он живет в своей Ясной Поляне, и не знал, что к тому времени, когда мы встретились, он уже переехал в Москву.

Познакомился я со Львом Николаевичем уже в собственном доме редакции, в Чернышевском переулке, и потом встречался не раз, но, конечно, никогда не напоминал ему о первой встрече. Раза два по утрам я встречал его, всегда одного, на утренних прогулках. Зная мое прошлое по рассказам и очеркам в «Русских ведомостях», он всегда меня расспрашивал о бурлацкой жизни, о степях, об охоте на Кавказе.

Как-то (это было в конце девяностых годов) я встретил Льва Николаевича на его обычной утренней прогулке у Смоленского рынка. Мы остановились, разговаривая. Я шел в редакцию «Русской мысли», помещавшуюся тогда в Шереметевском переулке, о чем, между прочим, и сообщил своему спутнику.

– Вот хорошо, напомнили, мне тоже надо туда зайти.

Пошли. Всю дорогу на этот раз мы разговаривали о трущобном и бродяжном мире. Лев Николаевич расспрашивал о Хитровке, о беглых из Сибири, о бродягах. За разговором мы незаметно вошли в редакцию, где нас встретили редакторы В. М. Лавров и В. А. Гольцев.

При входе Лев Николаевич мне сказал:

– Я только на минуточку.

И действительно, хотя Лавров и Гольцев просили Льва Николаевича раздеться, но он, извинившись, раздеться отказался и так и стоял в редакции в шапке, с повязанным сверх нее башлыком.

Весь разговор продолжался не более двух-трех минут, и мы вышли.

День был морозный, что-то около двадцати градусов; у Льва Николаевича заиндевели борода.

– А у меня к вам просьба. Вы этот мир хорошо знаете, и я даже думал о вас и очень рад, что мы встретились. Дело в следующем. Я получил на этих днях очень интересную рукопись из Сибири: арестант один рассказывает о своей жизни... Очень занимательно и литературно написано. Просит напечатать и, конечно, желает что-нибудь получить. Я прочел рукопись внимательно, но мне некогда заняться ею как следует. Просмотрите ее и отдайте куда-нибудь в газету. Если заплатят ему рублей десять-пятнадцать, и то хорошо.

Рукопись на следующий день принес мне сын Льва Николаевича, Андрей Львович. Я внимательно прочел ее. Она имела дату: «18 октября 1899 г., Каинск, Томской губ.». В начале и в конце было обращение к Льву Николаевичу, а посередине помещалась интереснейшая исповедь арестанта Лизгаро.

Внизу последней страницы стояло три адреса: самого Лизгаро – Каинский острог; жены его, Беляевой-Лизгаро, – Таежная и г-жи Л-й – Каинск, для передачи Лизгаро.

Обращение к Льву Николаевичу заканчивалось словами:

«Согласен все то, что изложено, пустить в печать, если нужно, переделать и исправить фамилии действующих лиц, пишу с целью материальной поддержки голодающей семье».

Прочитав рукопись Лизгаро, о деяниях которого я слышал раньше от корнета Савина, тогда уже острожной «знаменитости», я на следующий же день переслал ему двадцать пять рублей, упомянув в письме, что рукопись получил от Льва Николаевича, а сам отправился к Толстому и сказал об этом, отдав почтовую квитанцию.

– Зачем вы сами это сделали? И так много вдобавок! Лучше бы напечатать. Интересно!

Я кое-что знал о Лизгаро и ответил Льву Николаевичу, что в письме слишком многое присочинено и обо многом недосказано.

– Все равно интересно, прочиталось бы. Во всяком случае, очень вам благодарен. Да ему, думаю, больше ничего и не нужно, кроме денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.